

С. А. КОРФ

Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 годов

21-го апреля 1785 года, в день своих именин, Екатерина подписала давно жданную ее подданными «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» *. Акт этот, с юридической точки зрения, представляет собою кульминационный пункт в истории дворянского сословия; он точно установил его права и преимущества, определив положение сословия в общем государственном строе. С фактической же стороны мы видим совсем обратное; грамота не внесла ничего нового в жизнь; <...> жизнь понемногу сама подготавливала те основания, на которых выросла грамота; правительство, и в этом его величайшая заслуга, лишь шло навстречу естественному ходу вещей; ниже, при разборе отдельных постановлений жалованной дворянству грамоты, мы будем иметь случай убедиться в том, что нового она дала чрезвычайно мало; ее значение было чисто юридическое; она санкционировала дворянско-му сословию его права, преимущества и привилегированное положение среди других сословий.

<...> Грамота писалась самой Императрицей; проект грамоты был готов уже значительно раньше ее издания, что дало, напр<имер>, Сиверсу возможность воспользоваться идеями Императрицы при организации и управлении им Новгородским наместничеством¹. Такая продолжительная обработка грамоты не может не быть поставлена Екатерине в заслугу. Если внешней причиной замедления, может быть, и было увлечение Императрицы внешней политикой, то вместе с тем у нее несомненно были и другие соображения, заставлявшие ее основательно

* ПСЗ. № 16187.

обдумать и просмотреть тексты этого столь важного для нашего государственного строя законодательного акта.

Материал, использованный Императрицей при составлении жалованной грамоты дворянству, был весьма обширен. С одной стороны, здесь имелись труды комиссии для сочинения проекта нового Уложения; мы имеем в виду, главным образом, выработанный комиссией проект правам благородных; Екатерина старательно пересмотрела проект и дополнила его, сообразуясь с мнениями, высказанными в заседаниях комиссии различными депутатами. С другой же, в ее распоряжении находились многочисленные указания практики за время существования выборных дворянских органов.

Мы не можем, однако, согласиться с г. Иловайским *, утверждающим, что состоявшийся в 1769 году в Новгороде дворянский съезд, созванный Сиверсом для избрания «особого комиссара», является прототипом дворянского собрания жалованной грамоты, а комиссар, избранный им, — будущим земским исправником.

По нашему мнению, не это собрание 1769 года является прототипом санкционированных в 1785 году дворянских собраний, а выборы депутатов в комиссию 1767 года; съезд 1769 года есть только первый пример занятия дворянами провинциальными интересами и, следовательно, включения подобных дел в компетенцию собраний. Здесь мы еще раз должны отметить деятельность Сиверса. Он был ближайшим сотрудником Екатерины в этом периоде ее царствования; влияние его сказалось почти на всех реформах этого времени **; не без влияния остал-

* Автор следующим образом излагает свою мысль: «Рекрутский набор, говорит он, и другие дела собрали значительное число уездных дворян в Новгород в декабре 1769 года. Сиверс воспользовался случаем и предложил им следующие меры. Во-первых, выбрать из своей среды для Новгородского уезда особого комиссара, положив ему жалованье, с тем, чтобы он наблюдал за порядком, за исполнением указов и т. п. Дворяне охотно согласились и назначили на жалованье сбор по копейке с души. В этом комиссаре мы узнаем будущего земского исправника, а в совещании дворян о местных нуждах — будущее организованное дворянское собрание» (*Иловайский Д. И.* Граф Яков Сиверс // *Иловайский Д. И.* Соч. М., 1884. С. 508.

** Ср.: Там же. С. 548, 551; *Blum K.* Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jak. Joh. Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Bd. 2. Leipzig; Heidelberg, 1858. S. 107—109; *Миллюков.* Очерки по истории русской культуры // Мир Божий. 1902. Июль. С. 254 и след.

ся он и при работах Екатерины над жалованной грамотой. Его опыты и нововведения, в бытность его Новгородским генерал-губернатором, были все приняты во внимание Императрицей. Сюда относятся, напр.: вопрос об имущественном цензе и выборы дворянами комиссара, о котором говорит г. Иловайский. Кроме того, со времени своего отъезда из Петербурга, Сиверс находился в постоянной переписке с Екатериной, в которой он обсуждал все предположения Императрицы. Общий взгляд Сиверса на интересующий нас вопрос можно формулировать следующими немногими словами: дворянство должно было получить корпоративную организацию, на остзейских началах, т. е. с полной независимостью в делах сословных, а вместе с тем и привилегированное среди прочих сословий положение.

Удачные опыты Сиверса принесли делу большую помощь и значительно облегчили работу Екатерины, но вместе с тем нельзя не сказать, что Императрицей было обращено серьезное внимание на ученую литературу. При составлении жалованной грамоты, так же как и при писании учреждения о губерниях, она пользовалась трудами Блэкстона и старательно изучала современный ей государственный строй Англии.

Таковы источники жалованной грамоты дворянству; Екатерина умело использовала имевшийся у ней под руками обширный материал; надо заметить, что, несмотря на то, что основанием ее работ служил уже готовый проект правам благородных и мнения депутатов комиссии 1767 года, работы ее, как еще заметил проф. Милюков*, носят вполне самостоятельный и оригинальный характер. Последний же заключается в том, что «корпоративные права дворянских обществ оказались особенно разработанными», тогда как о них-то, как мы видели выше, как проект, так и указы и депутаты говорили меньше всего. В этом факте нельзя не видеть нового доказательства государственной мудрости Екатерины II. Прибавим еще, что кроме всего перечисленного, Императрицей не были забыты и узаконения, изданные ею в период 1766—1785 годов, касавшиеся дворянских прав и преимуществ, которых все нашли себе должное место, разъяснение или подтверждение в жалованной грамоте.

При подробной обработке жалованной грамоты нам придется постоянно иметь в виду для сравнения проект комиссии, с одной стороны, и ссылаться на узаконения, вышедшие за период 1766—1785 годов — с другой, отмечая попутно нововведения

* Милюков. Очерки по истории русской культуры. С. 255.

жалованной дворянству грамоты; новые постановления, как увидим ниже, были чрезвычайно малочисленны.

Жалованной грамоте, по обыкновению Императрицы, предпослан Манифест, указывающий на причины и мотивы издания грамоты. За полным титулом Государыни следует указание на географическое расположение Российской империи и огромное ею занимаемое пространство; затем делается ссылка на ту роль, которую играли различные сословия, и в особенности оттеняются заслуги и выдающееся положение дворянского сословия, чем как бы оправдывается его привилегированность. «И сим образом в истинной славе и величестве Империи, говорит Манифест, вкушаем плоды и познаем следствия действий нам подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчивого и сильного Российского народа», а далее: «во всякое время свойственно было, есть, да помощью Божьею и пребудет вечно Российскому дворянству отличаться качествами блистающими к начальству... Да как тому и быть инако? Когда знатнейшее и благороднейшее Российское дворянство, входя в службу военную или гражданскую, проходит все степени чиновначалия и от юности своей в нижних узнает основание службы, привыкает к трудам и сии нести твердо и терпеливо; а научась послушанию, тем самым приуготовляется к вышнему начальству; не бысть бо в свете добрый начальник, который в свое время сам повиноваться не приобик. Достигают же до высших степеней те Российского дворянства знаменитые особы, кои отличаются или службою, или храбростию, или верностию, или искусством, или же те, что в послушании терпеливо пребывая, твердостью духа усердно преодолевают трудности и самое время, умножая опытами знание и способности свои в частях, званию их подлежащих. Обыкла Россия исстари видеть службы, верность, усердие и труды всякого рода, от престола предков наших во всякое время изобильно награждаемые, почестями украшаемые и отличностями предпочитаемые; сему свидетельства подлинныя находятся в древнейших поколениях родов Нашего вернлюбезного подданного Российского дворянства, которое ежечасно быв готово подвизаться за Веру и Отечество, и нести всякое бремя наиважнейшего Империи и Монарху служения, потом, кровию и жизнью приобретало поместья, с оных имело свое содержание, а умножая заслуги, получало в награждение от Самодержавной власти поместья в вотчины себе по томственно».

Нельзя лучше охарактеризовать ту роль, которую играло дворянство в истории России. Его преимущества и привилегии

все были основаны на служебных заслугах; служилым сослови-ем оно всегда было, служилым оно должно было остаться и впредь. Интересно отметить, что Екатерина не упоминает ни единым словом о Манифесте Петра III; последний слишком дисгармонировал со всей ее системой; Императрице не зачем было и говорить о нем.

Далее Манифест 1785 года указывает на историю пожалования дворянству различных привилегий; сначала упоминается о поместьях и вотчинах, о похвальных грамотах, затем об установлении гербов, «дипломов на достоинства и патентов на чины», об учреждении орденов, жалуемых за ту же службу Царю и Отечеству. Заканчивается же он упоминанием о мотивах издания грамоты; приводим текст этой части Манифеста, так выпукло рисующего мысли Императрицы, руководившие ею при издании этого знаменитого акта:

«С новыми выгодами и приращением нашей Империи, когда пользуемся всякою внутреннею и внешнею повсюду тишиною, Мы подвиг свой вящше и вящше устремляем к непрерывному упражнению доставить нашим верноподданным во всех нужных частях внутреннего государственного управления твердые и прочные постановления ко умножению благополучия и порядка на будущие времена; и для того, во-первых, достойно находим простерта Наше попечение к Нашему вернолюбезному подданному Российскому дворянству, имея в памяти вышесказанные его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность Самодержавцам Всероссийским, Нам самим и престолу Нашему оказанные в наисмутнейшие времена, как в войне, так и посреди мира. А подражая примерам правосудия, милосердия и милости в Бозе почивающих, Российский престол украсивших и прославивших предков наших, и движимы будучи собственною Нашею матернею любовью и отличною признательностью к Российскому дворянству по благорассуждению и изволению Нашему Императорскому, повелеваем, объявляем, постановляем и утверждаем в память родов для пользы Российского дворянства, службы Нашей и Империи, следующие статьи на вечные времена и непоколебимо» *.

* Для характеристики сравним с мыслями, высказанными Колотовым. Он, при описании причин издания жалованной грамоты, дословно цитирует Манифест 1785 года. Это только может служить подтверждением нашего взгляда. Нельзя более рельефно установить роль и положение дворянского сословия, чем это сделала Великая Императрица. В своем сочинении «Деяния Екатерины II»

Совершенно верно, говорит Екатерина в своем Манифесте: права и преимущества дворянского сословия должны были быть твердо установлены раз навсегда, «на вечные времена и непоколебимо». Законодательство сильно отстало от жизни в этом направлении; народились новые факты, новые явления, надо было их урегулировать законодательным путем, а вместе с тем согласовать с уже произведенными реформами. Но как мы уже раз упомянули, Екатерине не удалось достроить своего грандиозного здания; во многих частях оно осталось недоконченным, представляя собою довольно разнохарактерные обломки, изгладить разношерстность коих удалось лишь всеисцеляющему Хроносу.

Приступая к подробному рассмотрению постановлений жалованной дворянству грамоты, повторим здесь сказанное выше, что если фактически она мало что внесла нового в наш государственный строй, юридически же она представляет собою краеугольный камень всего дальнейшего развития дворянского сословного управления.

Грамота состоит из 92 статей, со многими подразделениями; первые 36 говорят «о личных преимуществах дворян», следующие 35 «о собрании дворян, об установлении дворянского общества в губернии и о составе дворянского общества», затем в 19 статьях излагается «наставление для сочинения и продолжения дворянской родословной книги в наместничестве» и последние две определяют «доказательства дворянства». Нас интересующего вопроса касается второй отдел, в 35 статей, но для полноты картины нам придется остановиться и на прочих частях грамоты; при этом мы позволяем себе немного изменить порядок статей, выделив 37—71 в конец. Первая статья грамоты определяет, что такое есть дворянское звание, которое является следствием, «истекающим от качества и добродетели началь-

Колотов говорит следующее: «Екатерина, прилагая неусыпное старание наивысше утвердить благосостояние своих подданных, признала, во-первых, достойным простерть попечение свое к Российскому дворянству, имея в памяти его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность Самодержцам Всероссийским, Ее Величеству и престолу оказанные в наисмутнейшие времена, как в войне, так и посреди мира и движима будучи Монаршею любовью и отличною признательностью к Российскому дворянству, утвердила 21 апреля, в день рождения Своего, в память родов для пользы Российского дворянства жалованную грамоту на права и преимущества оногo» (*Колотов П.* Деяния Екатерины II Императрицы и Самодержицы Всероссийской. Ч. III. С. 39).

ствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное», а причина сему устанавливается в статье второй, в следующих выражениях: «не токмо Империи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо: и для того изстари, ныне, да и пребудет навыки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются». Как видим, здесь почти дословное повторение Манифеста. Мысль та же, т. е. что дворянство приобретается службою отечеству и престолу; оно является вознаграждением за служебные заслуги, передаваемое затем наследственно потомкам; об этом говорят следующие две статьи (3 и 4). Но раз дворянство уже приобретено, лишиться его может лицо, его приобретшее, только совершением преступления; а последние, в количестве семи строго определены грамотой в статье 6. Не лишал дворянства брак дворянки с недворянином (ст. 7), но наследственно оно в таких случаях уже не сообщалось детям. Следующие четыре статьи определяют, что без суда дворянин не мог быть лишен ни дворянского достоинства, ни чести, ни жизни, ни имения, а судиться он мог только себе равными (ст. 12). В последней статье подтверждается общий принцип, установленный Императрицей в Учреждении о губерниях; как известно, судебная реформа 1775 года проводила в новых судах принцип сословности. Статья 12 жалованной грамоты подтвердила этот принцип окончательно. Впрочем, надо заметить, что и Учреждение 1775 года не внесло в наш строй ничего нового; служилые люди искони судились себе равными и продолжали судиться служилыми же людьми, вплоть до реформы шестидесятих годов минувшего столетия. Кроме того относительно суда над благородными устанавливалось еще одно преимущество; суд над ними «да не вершится без внесения в Сенат и конфирмации Императорского Величества» (ст. 13). Но это последнее постановление всегда оставалось мертвой буквой. Временщики Екатерины, в роде Потемкина, мало с ним считались. Далее, дворяне освобождались в силу статьи 15 от телесного наказания. Привилегия эта принадлежала исключительно дворянскому сословию и составляла почти единственное его преимущество пред другими сословиями. Остается и поныне не выясненным, почему Екатерина не включила сюда же освобождение дворян от пыток. Факты действительности указывают на частое их применение; между тем, принимая во внимание об-

щий дух Екатерининских реформ, мы беремся утверждать, что, в принципе, Государыня была против них. Но грубость нравов была еще слишком велика, и применение пыток считалось вполне естественным. Известно, что и телесное наказание, формально отмененное для дворянского сословия, не переставало быть применяемо еще долгое время спустя издания жалованной грамоты.

Следующие четыре статьи (17—20) трактуют о праве дворянского сословия выбирать себе род службы или вовсе не служить, вступать на службу в иностранных государствах и в любое время выезжать за границу. Мы видим здесь повторение положений манифеста 1762 года касательно вольности дворянства служить или не служить; такое постановление хотя и осталось почти мертвой буквой, нуждалось все-таки в официальном подтверждении; дворянство хорошо сознавало, что с 1762 года оно обладало новым личным правом; оно им не пользовалось, может быть, даже пренебрегало им, но отнять его уже нельзя было. Но и тут Екатерина сделала одно исключение; в статье 20 говорится, что всякий дворянин «обязан по первому позыву от Самодержавной Власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной», а именно, когда от «состояния Российского дворянства зависима есть безопасность отечества и престола» *. Таким образом, правительство получило право требовать при известных обстоятельствах службы всего дворянского сословия, что, в сущности, сильно ограничивало свободу, дарованную дворянству постановлениями трех первых статей, но, конечно, вполне оправдывалось с точки зрения государственной необходимости; в жизни государства всегда могут быть моменты, в которых личные и частные права временно суспендируются и уступают место нормам публичного правопорядка.

Далее, в статьях 21—34 следует утверждение за дворянским сословием привилегий в области частного права; подтверждается право владеть поместьями, передавать их по наследству, покупать деревни, заниматься торговлей, как внутри Империи, так и за границей, строить и эксплуатировать заводы и фабрики; по отношению к наследственному праву мы находим в грамоте новую привилегию, а именно, статьей 23 отменена конфискация имений у дворян, совершивших уголовное преступление; имение в таком случае должно было переходить к законным наследникам. Далее, грамота подтверждает указ 1782 года о праве дворян, владеющих имением, на недра земли, на все ме-

* Постановление это является повторением § 6 манифеста 1762 года.

таллы и минералы, в ней находящиеся, и другой указ того же года о праве дворян распоряжаться растущим в их имениях лесом. Наконец, статьи 35 и 36 освобождают дворян от постоянной повинности и личных податей; в данном случае мы не имеем новой привилегии; служилые люди всегда были освобождены от личных повинностей; государство, пользуясь услугами служилого сословия, отнимая у него государственною службой как бы всю жизнь, должно было освобождать его от имущественных повинностей.

Этим заканчивается первая часть грамоты.

Если мы сравним ее с проектом правам благородных, сочиненным комиссиею о государственных родах, то увидим, что, кроме известной систематизации и более точного и подробного текста отдельных статей, жалованная грамота не внесла в эту область ничего нового; ею не установлено ни одного начала, которое уже не заключалось бы в проекте. В последнем находим мы также корни основным правам дворянского сословия, утвержденные за ним жалованной грамотой, говорим про «не лишение благородных без суда дворянского достоинства, чести, жизни и имения». В том же проекте можно найти и основные положения выше упомянутых указов 1782 года, постановления которых включены в статьи 33 и 34 грамоты. О свободе дворян служить или не служить, выбирать себе род службы, поступать на службу в иностранных государствах и вообще выезжать за границу также довольно подробно говорит проект правам благородных.

Таким образом, мы видим, что основанием первой части жалованной грамоты послужил проект, выработанный комиссиею о государственных родах; Екатерина воспользовалась им, развив его положения и изложив их в более рельефной и определенной форме.

Часть третья, «Наставление для сочинения и продолжения дворянской родословной книги в наместничестве», написана Императрицей самостоятельно. Значение ее в интересующей нас области скорее носит характер формальный, определяя порядок внесения дворянских родов в эти новые книги, а равно и способы доказательства дворянского происхождения. Для нас эта часть грамоты имеет значение как первое установление формального различия между сословием дворянским и прочими классами населения; все дворянство было внесено в особые книги, которые и служили доказательством при решении вопроса о принадлежности лица к сословию благородных; раз за дворянством правительством были закреплены столь обширные

привилегии и преимущества, надо было также строго определить круг тех лиц, которые этими привилегиями могли пользоваться, во избежание очень возможных злоупотреблений; в особенности часто встречались злоупотребления подобного рода на юге России; за период 1775—1785 годов мы находим массу жалоб на произвол местной администрации и большое количество судебных дел; все они показывают нам, что именно на юге в шляхетство пробирались незаконным образом самые разнообразные элементы провинциального населения, а за неопределенностью законов и неустановившимися еще порядками в местных учреждениях администрации почти невозможно было определять в каждом данном случае степень законности спорных притязаний.

Что касается второго различия, вводимого третьей частью грамоты, говорим про разделение дворянства на установленные ею шесть разрядов дворянского сословия, то последние имеют гораздо меньшее значение, чем первое, — отделение дворянства от прочих сословий. На Руси характерной чертой истории дворянства является его служба Царю и Отечеству. Различие родов дворянства в том виде, как оно было установлено грамотою 1785 года, и существующее и по наши дни, никогда не имело и иметь не будет никакого значения. Оно позаимствовано Императрицей из феодального строя западных государств; какого-либо значения оно у нас не получило. На Западе различие дворянских родов, построенное на древности их происхождения имело, наоборот, огромный смысл, вследствие непрерывной борьбы различных классов населения; так, в постоянной борьбе были простые дворяне с графами и князьями, феодалы со своими сюзеренами и т. д. Всякое преимущество одного рода перед другим играло в такой обстановке, конечно, огромную роль.

У нас замечается как раз противное; дворянство, как сословие служилое, имело своим основным принципом равенство своих членов; всякий, состоящий на государственной службе, мог приобрести дворянское звание и все связанные с ним преимущества и привилегии; равенство это признается и жалованной грамотой; так, при установлении прав и преимуществ дворянства она не делает никакого различия между отдельными его родами.

Но равенство это надо понимать только в смысле равной возможности приобретения дворянского звания и равных прав, т. е. юридического положения членов этого сословия. Фактически, конечно, существовало много различий; одни пользовались особыми милостями, другие нет; одни вознаграждались

поместьями, другие чинами и т. д. Затем, конечно, фактически существовала огромная разница в способах приобретения дворянства и возможностях отдельных лиц; награды, в особенности чины, жаловались не одною Верховною Властью, но и Сенатом, Синодом, коллегиями и даже генерал-губернаторами; чины же за собой влекли приобретение дворянского звания; другими словами, ряды дворянства зачастую пополнялись усмотрением Сената, Синода, коллегий и наместников; возможность приобретения дворянства была, таким образом, далеко не равная.

Против подобного чрезвычайно широкого способа приобретения дворянского звания и восстали представители древних родов.

К середине XVIII столетия мы замечаем фактическое разделение всего дворянства на две группы — древних и выслужившихся из «подлых» дворян, причем это фактическое противопоставление названных двух классов все росло. Юридически они были равны, фактически между ними лежала пропасть. Противоположение же это все усиливалось, благодаря стараниям представителей древних родов; их стремления к обособлению чрезвычайно характерно сказались, как мы видели, в наказах и в самой комиссии 1767 года; здесь они ратовали в свою пользу за особо привилегированное положение, за особые преимущества; иные депутаты шли даже дальше и просили об отмене выслуги дворянского звания вообще, желая видеть существование лишь одного способа приобретения благородства Высочайшим пожалованием. Но домогательства эти не получили осуществления; подобные требования, с одной стороны, были выражением слишком малочисленного класса, с другой же, не соответствовали основам современной им жизни. У нас сохранилось, таким образом, историческое равенство, которое придает русскому дворянству совершенно иную окраску, сравнительно с западноевропейским государственным строем. Оно осталось и по сей час сословием служилым. <...>

Но западные идеи не могли не проникнуть к нам; нет возможности построить такую китайскую стену, которая отражала бы не только ядра и штыки, но и духовные орудия; идейный мир материальных преград не знает. Несмотря на разобщенность России с Западом, продолжавшуюся почти вплоть до второй половины минувшего столетия, уже во времена Великой Императрицы стали понемногу проникать к нам идеи и порядки Запада; многим в этом случае содействовала сама Императрица, ведя не только деятельную переписку с выдающимися мыслителями Европы, но и поддерживая постоянную связь с иностранными государствами и их представителями.

Одним из результатов такой политики и было введение в Империи различия родов дворянства, согласно шести разрядам. В известном отношении удовлетворялось этим и желание самого дворянства; как мы только что упомянули, в среде дворянства существовала тенденция выделить старые роды от вновь выслужившихся. Просматривая современную Екатерине литературу, мы часто встречаем мысли об обособлении и выделении, как имеющих меньшие права и значение, «хамовых отродьев», выслужившихся из простолюдинов «аршинников», о нежелании древних родов общаться с «крапивным семенем», с отростками «сладкого корня» и т. п. Но различие это было и осталось чисто внешним. Служба по-прежнему всех сравнивала, и «знатная» должность делала всякого аршинника вполне уважаемым и всеми почитаемым и ставила его на одну ногу с каким-нибудь Рюриковичем. Стоит только вспомнить Орловых, Потемкина и др<угих> деятелей времен Екатерины Великой. Шесть разрядов родословных книг остались и по наше время чисто формальным различием.

Согласно жалованной дворянству грамоте в первую часть родословной книги вносилось дворянство, пожалованное Верховною Властью (ст. 77), во вторую — дворянские роды, выслужившие свое звание военной службой (ст. 78), в третью — службою гражданской (ст. 79), в четвертую часть вносилось дворянство, имевшее патенты на свое звание от иностранных государей (ст. 80), в пятую — дворянство титулованное (ст. 81) и, наконец, в часть шестую (ст. 82) «древние благородные дворянские роды». В тексте этой последней статьи сказано: «Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства за 100 лет и выше восходят; благородное же их начало покрыто неизвестностью». Но затем никаких других различий между отдельными родами не было сделано.

В дворянскую родословную книгу, одну на губернию (ст. 75), вносились подробные сведения касательно всех дворян, живущих в уезде (ст. 72 и 73), на основании подлинных документов или засвидетельствованных копий (ст. 84), причем грамота особенно тщательно останавливается на доказательствах благородства (ст. 91 и 92).

Все делопроизводство по ведению родословных книг возложено было на предводителей дворянства. Уездный предводитель собирал все точные сведения о дворянах, жительствоющих в его уезде, и посылал их губернскому предводителю (ст. 74); последний же, вместе с особо выбранными для этой цели дворянскими депутатами, составлял на основе таких сведений ро-

дословную книгу губернии (ст. 75). Отметим здесь некоторую неточность, встречаемую в тексте статей 74 и 75. В них говорится, что уездный предводитель посылает свои сведения к губернскому в наместничество, а родословная книга составляется одна на губернию; очевидная путаница терминов*; зная, что книги действительно велись по одной на каждую губернию, мы предполагаем, что под словом «наместничество» в статье 74 следует понимать губернский город, в котором жил губернский предводитель, а таковым почти всегда был также город, в котором жил и наместник; при существовании двух губерний оба губернских предводителя обыкновенно жили в одном и том же городе, где находился наместник.

На обязанности предводителей, как уездных, так и губернских, лежала проверка доказательств «благородного достоинства». На них же лежала и ответственность за правильное ведение родословных книг. В помощь им грамота установила новых должностных лиц, депутатов, выбираемых дворянством на тех же избирательных собраниях, на которых избирались предводители. <...>

При внесении рода в книгу, по постановлению дворянского собрания, могла взиматься известная сумма денег в общую дворянскую казну (ст. 86)**.

Высшей инстанцией, куда можно было жаловаться на постановления предводителей, являлась герольдия (ст. 87). Некоторые права контроля имело и губернское дворянское собрание; последнее могло требовать прочтения протоколов, «дабы собрание дворянства усмотреть могло порядочное производство сего дела» (ст. 88), но о дальнейших мерах, которые собрание могло принимать в случае найденных неточностей или злоупотреблений, ничего не говорится; очевидно, путь был один — доносить «для исправления» герольдии.

Последние две статьи грамоты 91 и 92, как нами уже указывалось, устанавливают «доказательства благородства». В них перечисляются все доказательства на дворянство пожалован-

* Можно из этого усмотреть желание Екатерины отождествить губернию с наместничеством, что ею имелось в виду. На практике же, как известно, наместничества составлялись обыкновенно из двух губерний.

** Идея дворянской казны принадлежала самой Императрице и, надо заметить, практически принесла очень хорошие результаты (ср. труд Блума «Ein russischer Staatsmann». Bd. II. Seite 299), впервые же она была применена на практике в силу резолюций 1778 года.

ное, выслуженное, иностранное, а также делаются ссылки на предшествовавшее законодательство, а именно, на указ царя Федора Алексеевича об уничтожении местничества² и на табель о рангах Петра Великого. В заключение там же упоминается об отличии установленного впервые грамотою 1785 года личного дворянства от потомственного и о тех случаях, при которых звание личного дворянина могло переходить в потомственное.

<...> Первая и третья части представляли мало затруднений — первая являлась лишь развитием проекта правам благородных, третья была легка по самому своему существу. Во вторую же часть должно было войти все предшествовавшее законодательство ее царствования по этому вопросу, переработанное и согласованное с указаниями практики и опытами Сиверса; одновременно должны были быть приняты во внимание и научные принципы. Проект правам благородных служить материалом в данном случае не мог; его постановления касательно дворянского сословного управления были слишком неполны.

Исходной точкой был взят Императрицей обряд 1766 года для выбора депутатов в комиссию для сочинения нового уложения, и затем к нему добавлялись все последующие узаконения; получившийся *агломерат* самых разношерстных постановлений она затем систематизировала, создала из него одно целое, дополнив его в нескольких местах новыми положениями и указаниями практики.

Вторая часть жалованной грамоты озаглавлена «О собрании дворян, установлении общества дворянского в губернии и о выгодах дворянского общества». В первой статье (37) устанавливается основное положение, которым дворянство губернии признается юридическим лицом; как таковое «оно может пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличиями и преимуществами»; заметим, что в такой ясной форме правительство впервые признавало дворянское общество губернии юридическим лицом; впоследствии это понятие уже крепко держится в нашем законодательстве, исключая <...> короткого периода в царствовании Павла I; уездные общества по жалованной грамоте этого значения не получили. Подтверждением такого взгляда служит текст статьи 71, в которой прямо сказано, что жалованную грамоту «за Нашим подписанием и приложением государственной печати повелеваем дать дворянству каждого наместничества». Органом нового юридического лица являлось дворянское собрание (ст. 38), собиравшееся раз в три года в зимнее время, с разрешения генерал-губернатора или губернатора.

Согласно статьям 38 и сл<едующим>, дворянские собрания бывают уездные и губернские. Заметим здесь, что мы не в состоянии найти в жалованной грамоте признаков для проведения второго различия, предлагаемого проф. Романовичем-Славатиным *, а именно, разделение собраний на обыкновенные избирательные и чрезвычайные, созываемые для выслушивания предложений генерал-губернаторов и губернаторов. Подобные предложения могли быть делаемы на всяких собраниях; о чрезвычайных собраниях в грамоте вовсе не упоминается; в ней не говорится даже о праве созыва таковых генерал-губернаторами; последние только разрешали открытие собраний на общем положении, т. е. раз в трехлетие; особое же право созыва собраний чрезвычайных в другое время появилось в нашем законодательстве лишь позже.

Что касается компетенции собраний, то главнейшей функцией их было избрание из среды местного дворянства выборных должностных лиц. В губернских собраниях выборы начинались избранием губернского предводителя; порядок в этом случае был следующий; губернское собрание выбирало двух кандидатов и представляло их наместнику, последний утверждал одного из них в должности губернского предводителя (ст. 39). Уездные предводители избирались уездными собраниями согласно порядку, установленному еще Учреждением о губерниях (ст. 40). Затем шли выборы прочих должностных лиц, причем губернское собрание избирало на места губернские, как, напр<имер>, заседателей в Верхний земский суд и др., уездное же — на места уездные, как, напр<имер>, заседателей в уездный суд и т. п. При выборах соблюдался порядок, установленный Учреждением 1775 года (ст. 40—44). Статья 45, впрочем, вводит маленькое отличие, так как при большом количестве местных дворян могло иногда оказаться затруднительным баллотировать каждого из них, как предполагалось прежними узаконениями; статья 45 дозволяет представление собранию кандидатов и последовательное баллотирование лишь сих последних; статья эта не упоминает, кем такие кандидаты должны были предлагаться; можно предполагать, что обязанность эта лежала на предводителе, председательствующем в собрании. Закончив выборы, собрание должно было приступить к выслушанию и обсуждению предложений наместника (ст. 46), затем оно могло само представлять генерал-губернатору «о своих общественных нуждах и пользах» (ст. 47); далее подтверж-

* Дворянство в России. С. 426.

далось право дворянских собраний приносить жалобы и делать представления, через особых выбранных депутатов, высшему правительству, в Сенат и Императорскому Величеству (ст. 48); в этой статье прямо сделана ссылка на предшествующее законодательство, представления могли быть делаемы и жалобы приносимы «на основании узаконений». И, действительно, <...> в этих статьях мы не найдем ничего нового.

Также только подтверждением прежних узаконений являются и следующие статьи грамоты; дворянское собрание могло иметь свои — дом (ст. 50), архив (ст. 51), печать (ст. 52), своего секретаря (ст. 53), особливую казну из «добровольных складок», и употреблять оную «по общему согласию» (ст. 54).

Интересными представляются статьи 55, 56, 57 и 49. Этими статьями постановляется, во-первых, что дворянское общество, как таковое, не может быть привлечено к ответственности за преступление или проступок отдельного дворянина, во-вторых, что дворянское собрание не может быть требуемо в суд или заключено под стражу, статьей же 49 запрещается дворянскому собранию «делать положения противные законам» или требования в нарушение узаконений, под опасением за первый случай (т. е. за положения, противные законам) наложения взыскания на собрание в размере 200 рублей, а за второй (т. е. за требования в нарушение узаконений) уничтожения «не дельных требований».

Кроме того, собранию дворян дано было и другое активное право: последнее получило известную дисциплинарную власть над членами дворянского сословия. Согласно статье 65 собрание имело право исключать из своей среды и тем самым устранять данное лицо от выборной службы вообще, дворянина опороченного судом или обличенного в явных и бесчестных пороках. Подобное дисциплинарное право имело огромное значение; дворянское общество не только получило контроль над выборной службой, исключая из нее нежелательные элементы, но тем самым имело возможность косвенного воздействия и на государственную службу; очевидно, что лицо, исключенное из собрания и от выборной службы, не могло уже рассчитывать быть принятым на какую-либо административную должность. Такое дисциплинарное право кроме того доказывает нам, что сословное управление дворянства получило с этого момента новую окраску; всякий правительственный акт, дающий ему большую самостоятельность, приближал его к самоуправлению. Статья 65 жалованной грамоты была юридически зачатком самоуправления дворянского сословия. Новое начало это было чревато бу-

душностью. Сама редакция статьи, однако, оставляет желать весьма многого; ею не предусмотрены ни способ удостоверения собраний в поводах к исключению дворянина, ни требуемый для этого quorum собрания; не определено также, откуда должна исходить инициатива исключения.

Переходя к дальнейшему разбору второй главы грамоты, мы находим второй новый юридический принцип, вводимый ею в область сословного управления, а именно, установление ограничительного избирательного ценза. Как было указано выше, подобные начала, в виде опыта, были введены в некоторых местничествах. Постановления обряда 1766 года были слишком неопределенны. В законодательных актах, изданных до жалованной грамоты, включая сюда и Учреждение 1775 года, почти не затрагивался вопрос о цензе, результатом чего была чрезвычайная путаница. Между тем практика доказывала необходимость известного ограничения избирательного права. По обряду 1766 года активное избирательное право определялось действительным владением имением в уезде, пассивное же: 1) также действительным владением имением в уезде (без какого-либо определения его стоимости или получаемого дохода), 2) отсутствием явных пороков или осуждения штрафом, 3) честностью и незазорностью поведения, причем было безразлично, служило ли или нет данное лицо; чин же вовсе не принимался во внимание и, наконец, 4) тридцатилетним возрастом, для избрания в предводители и 25-летним для избрания в депутаты.

Постановления жалованной грамоты по этому вопросу следующие: для активного права, к прежде существовавшему условию владения в уезде имением прибавлено еще два — 25-летний возраст и обер-офицерский чин. Ограничения эти вполне понятны; в собраниях участвовали прежде молодые люди совершенно незрелые и не подготовленные к какой-либо общественной деятельности; очевидно, что при новой более широкой компетенции дворянских собраний эти молодые люди могли оказаться совершенно непригодными для такой деятельности, исключение же из собрания нижних чинов оправдывается сообщениями военной дисциплины. Пассивный ценз был установлен определением размера дохода, получаемого с имения; доход этот должен был быть не менее 100 рублей в год; во-вторых, требовались также обер-офицерский чин и 25-летний возраст. Остальные условия, о которых говорит обряд 1766 года, оставались в силе, как-то: неопороченность судом, отсутствие явных пороков и зазорного поведения и честность.

Надо заметить, что статьи, касающиеся активного ценза, редактированы в отрицательном смысле (ст. 63 и 64). Дворяне моложе 25 лет и не имеющие обер-офицерского чина в собрании присутствовать могли, но не имели права голоса и не могли «сидеть с заслуженными»; таким образом было введено различие двух категорий дворян, одних только присутствующих и других — полноправных избирателей; интересен термин «заслуженные», рисуемый уже отмеченное нами не раз отношение правительства к службе дворянского сословия; для него дворянство всегда оставалось служилым.

Статьи, трактующие о цензе несравненно определеннее и выпуклее всего предшествовавшего законодательства, и, надо сказать, и проще положений последующих реформ в этой области. В уездах еще не успела выделиться категория мелкопоместных дворян и, следовательно, не было необходимости вводить большие цензовые ограничения и устанавливать различие между непосредственным правом голоса и выборами через уполномоченных; в этот период царствования Екатерины в провинции еще не успели разделиться два класса дворян, одних — богачей и вельмож, владеющих бесчисленными имениями и огромными количествами крепостных, других — более бедных, пользующихся доходами от маленьких деревенок, населенных не тысячами, а лишь десятками душ.

Постановления жалованной грамоты о цензе подверглись ярким нападкам князя Щербатова. «Содрогаются дух мой, читая сию статью, — пишет он, — чтобы дворянина, имеющего меньше ста рублей доходу с деревень своих, в должности, зависящие от выбора дворянства, не выбирать, якобы благородность и честность от доходу зависели, и тот бы благороднее был, кто есть богаче» *. Мы имеем здесь очень характерное выражение основного взгляда дворянства на свое положение в государстве. Последнее должно было определяться единственно службой, а на службе все были равны; таким образом, постановления о цензе принципиально противоречили понятиям служилого сословия; Щербатов описал доводы против введения ценза очень картинно. Совершенно так же отнесся он и ко второму нововведению жалованной грамоты, к разделению дворян на лиц, имеющих право лишь присутствовать в собраниях, и на избирателей полноправных.

* *Щербатов М. М.* Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест (1785 г.) // *Щербатов М. М.* Соч. СПб., 1896. Т. I. С. 303 и след.

Щербатов, впрочем, делает некоторое исключение; многие дворяне, по его мнению, выходят слишком рано в отставку, «через что действительно служба претерпевает»; таких дворян, конечно, можно было отстранять от выборной службы, как бы в наказание за пренебрежение ими службой; отстранение же других было противно правам и привилегиям дворянского корпуса; в этом также звучат традиции служилого сословия, крайним представителем которых был Щербатов. Взгляды его не нашли себе отголоска в работах Императрицы.

<...> Впоследствии мы заметим все большее ограничение права участия в дворянских выборах; жалованная грамота первая положила начало этим ограничениям; в последующее время они только росли, что вполне понятно при том постепенном мельчании дворянского элемента в уезде; в начале царствования Екатерины еще многие богачи жили в своих поместьях, пользуясь предоставленной им Манифестом 1762 года свободой, но уже к концу ее царствования замечается обратное движение в столицу, в погоне за весельем, карьерой, почестями, то самое движение, против которого бессильно боролся Николай Павлович и которое столь пагубно отразилось на общем характере выборной службы на нашей родине.

Статьи 59—61 подтверждают постановления Учреждения о губерниях касательно установления и функционирования дворянской опеки; они не вносят ничего нового, цитируя лишь соответствующие статьи Учреждения 1775 года.

Что касается до отношения к дворянскому сословному управлению правительственных органов и, в частности, генерал-губернаторов, то об этом в грамоте находим мы чрезвычайно мало постановлений, о чем нельзя не пожалеть. Мы имеем здесь самое слабое место грамоты 1785 года, которое тем более странно, что, как припомним, Екатерина обращала очень серьезное внимание на этот вопрос. Определения, сюда относящиеся, заключаются в статьях 38 и 46, где говорится, что генерал-губернаторы и губернаторы созывают дворянские собрания и имеют право предлагать на их обсуждение свои представления, которые должны собраниями приниматься в уважение; по ним должны делаться «пристойные ответы, решения и соглашения». Затем генерал-губернаторы, а за их отсутствием губернаторы утверждают дворянские выборы и, в частности, губернского предводителя из представляемых дворянским собранием двух кандидатов. Вот и все.

«При такой неопределенности закона, — говорит проф. Романович-Славатинский, — фактически генерал-губернаторы и

даже губернаторы поработили собрания своей властью» *. Да иначе и быть не могло, прибавим мы. Названный ученый видит две категории причин этому явлению, одни внешние, другие внутренние. Что касается причин внешних, то они вполне ясно выступают, если только вспомнить тот блеск, которым окружали себя в наместничествах временщики Екатерины; вся обстановка напоминала в миниатюре столичную жизнь двора; балы сменялись приемами, маскарады вечеринками. «Наместник начальствовал в виде Царя», — говорит Сумароков; «великолепие его дома, — продолжает тот же автор, — адъютанты, почетные дворяне, богатая прислуга давали некоторое понятие о столице, дворе; балы, вечеринки у него, у других послужили школою для бедных помещиков; их жены, дочери познали светскость, пристойность, потребности увеличились, и торги, промышленность распространились. Привыкли к вежливости, опрятности (!); распутство, своеволие уменьшились, жестокость к поданным смягчилась; стали стыдиться невежества, отдавать детей в училища, вслушиваться, подражать хорошим примерам, и кто видел закоснелого в грубости, тот через пять лет потом находил удивительную в нем перемену» **. Но если торговля и промышленность росли и начали процветать, то скоро стало проявляться другое, менее симпатичное явление, говорим про роскошь и расточительность дворянского сословия, с которыми пришлось бороться уже самой Екатерине; об этом, впрочем, ниже.

Итак, мы видим, что внешнее положение наместника не могло не способствовать все большему развитию его влияния на всю провинциальную жизнь, включая сюда, конечно, и дворянское сословное управление. Не менее способствовали подчинению генерал-губернаторской власти дворянского сословного управления причины внутренние. Вышеназванный ученый видит в этом процессе подчинения сословного управления наместнической власти более или менее сознательную деятельность правительства. Давая в руки дворянского общества всю выборную службу, а последняя подавляюще преобладала в уезде над службою государственной, правительство будто бы не могло не дать генерал-губернаторам и губернаторам строжайшего контроля, не могло не подчинить дворянские собрания постоянно

* Романович-Славатинский. Дворянство в России. С. 441.

** Сумароков Павел. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великия. 1832. Ч. II. С. 27.

наблюдению губернских прокуроров *. Думается нам, наоборот, процесс в этом случае был вполне бессознательный. Мы видим как раз обратное. Императрица постоянно защищала самостоятельность дворянского сословного управления, ограничивая власть наместников по отношению к нему, на что мы уже имели случай указывать; при разборе дальнейшего законодательства царствования Екатерины II нам придется не раз еще подчеркивать ту же мысль Императрицы. Если широта власти наместника и вела необходимо к подчинению ему дворянского сословного управления, то только благодаря той неопределенности, которая господствовала в области их взаимных отношений, а последняя вызывалась тем, что реформы Великой Императрицы носили характер отрывочный, законодательные меры, ею предпринятые, не были доведены до конца; многое осталось не доделанным, невыясненным; последующей практике пришлось применяться к такому положению вещей; лишь сила времени объединила обломки реформ Екатерины. По отношению же к все большему поглощению самостоятельности дворянского сословного управления мы скажем лишь одно: если Екатерина Великая и отстаивала такую самостоятельность, и хотя и не могла достигнуть этого по указанным выше причинам, она проявляла, по крайней мере, в этом направлении лучшие стремления, последующие же правительства, вплоть до реформ шестидесятых годов минувшего столетия, наоборот, делали все возможное, чтобы лишить дворянское сословие права на самостоятельное заведование собственными сословными нуждами и интересами. Генерал-губернаторская и губернаторская власть все усиливалась в ущерб началам самоуправления; процесс этот шел вперед тем легче, что сама жизнь, как мы видели выше, расчищала ему свободный и естественный путь **. Вот почему мы беремся утверждать, что невыясненность отношений к дворянскому сословному управлению местных коронных властей составляет слабое место жалованной грамоты 1785 года; она подорвала и принцип самоуправления, который, собственно, составлял основное начало этого знаменитого акта. Если бы Екатерина точнее определила права и обязанности наместников по отношению к дворянским обществам и собраниям и ограничила их права надзором за законностью деятельности дворянских со-

* *Сумароков Павел*. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой. С. 442.

** Ср., напр<имер>: *Гольцев*. Законодательство и нравы в России XVIII века. С. 63 и прим. 31 и 32.

браний, может быть, впоследствии труднее было бы местным властям поглотить самостоятельность вновь зародившегося самоуправления и свести начинания Императрицы к нулю; если фактически наместники и играли бы видную роль в дворянском сословном управлении, то юридически, по крайней мере, они были бы ограничены, что дало бы возможность и Сенату и Верховной Власти более успешно обуздывать их своевластие и во всяком случае не дало бы повода перейти такой обширной власти в руки губернаторов. Остается упомянуть еще о последних статьях второй части грамоты (66—71). Они говорят о родословной книге и регулируют отношения к ней сословных органов и дворянских собраний.

Дворянская родословная книга учреждалась, как говорит грамота, дабы дать дворянству возможность «тем наипаче продолжать свое достоинство и название наследственно, в поколение, непрерывно, непоколебимо и невредимо от отца к сыну, внуку, правнуку и законному потомству, пока Богу угодно, продлить им наследие» (ст. 66). А для этого каждому уездному собранию предлагалось избрать на три года по одному депутату на уезд баллотированием, т. е. общим порядком, «дабы обще с губернским предводителем дворянства той губернии имели попечение о действительном составлении и продолжении той дворянской родословной книги по данному им для того наставлению» (ст. 67). Таким образом, учреждался новый сословный орган, депутат дворянства, задачей которого было наблюдение за правильным ведением родословной книги, внесение в оную всех изменений, происходящих в дворянских родах, вследствие новых рождений, а также браков и смерти его членов. Если мы вспомним, что факт внесения дворянина в книгу не только делал его полноправным членом местного дворянского общества, но давал ему право присутствовать в дворянском собрании и пользоваться «общими преимуществами дворянства той губернии» (ст. 68—70), то роль депутата покажется нам в области дворянского сословного управления вовсе не малозначительною. Правда, впоследствии значение дворянского депутата сильно пало, но причина тому чисто внешняя — общее падение самостоятельности дворянского сословного управления, с одной стороны, и все меньшее значение, с постепенным уменьшением в нашем отечестве принципа сословности, дворянской родовитости, с другой.

Этим заканчиваем мы разбор этого столь существенного в интересующей нас области законодательного акта. Повторим

здесь слова Павла Сумарокова *: «В день своего тезоименитства Екатерина обрадовала дворянство пожалованием ему в вечное потомство грамоты, которою разрешались все бывшие до того недоразумения, о лицах, поколениях, супружествах, преступлениях, и достоинство дворян более утвердилось. Императрица при всех случаях благоволила к сему сословию». Если грамотою и не разрешены в действительности «все бывшие до того недоразумения», то ею во всяком случае внесен больший порядок в область сословного управления и заложено вместе с тем основание самоуправлению дворянских обществ.

Жалованная грамота дворянству установила новое и весьма важное начало; дворянскому сословному управлению были даны новые права и большая самостоятельность в деле заведования сословными нуждами; ему даровано было самоуправление. Юридически такая реформа имеет, конечно, огромное значение; нельзя, однако, сказать, чтобы она имела и фактическое значение, т. е. внесла бы существенные изменения в строй дворянской жизни и оказала бы какое-либо влияние на корпоративную организацию сословия.

Дворянство <...> не воспользовалось, да и не могло воспользоваться, новыми началами жалованной грамоты.

Причины, действовавшие в этом направлении, очень многочисленны. Главная же из них — неразвитость и некультурность дворянского сословия, его почти поголовное невежество, сильно поощряемое крепостным правом. Начала самоуправления, чтобы действительно войти в жизнь, а не остаться, как в этом случае и было, лишь буквою закона, требуют известной степени развития того общества, которому они даруются.

В этом нас убеждает история введения самоуправления во всех западных государствах; оно появлялось лишь при росте культуры, сначала постепенно, в виде отдельных уступок правительства, навязываясь впоследствии силою необходимости при проявлении в обществе сознания своих корпоративных интересов. Невольно вспоминается знаменитое изречение, что всякое общество пользуется лишь той формой управления, которую само заслуживает.

Просматривая историю русского общества второй половины XVIII столетия, мы не можем не убедиться в том, что оно не доросло еще до самоуправления; исключая самого малого числа семей, воспитывавшихся и выросших в столице, большинство дворянства было темно до крайности, едва умело читать и пи-

* Сумароков П. Черты Екатерины Великия. С. 286.

сать. Об этом свидетельствуют многие современники Екатерины *. Насколько эта некультурность и невежество были велики, можно судить, напр<имер>, из того факта, что некоторые писатели заподозривали Великую Императрицу в неискренности, в том, «что она, не отваживая ни малейше сим смелым поступком (дарованием дворянству права на самоуправление) своего самодержавия, бросит пыль в глаза Европе и обморочит дворянство» **.

По мысли этого автора, Екатерина не могла не сознавать неподготовленности сословия к самоуправлению; отсюда, конечно, объяснение издания грамоты желанием бросить пыль в глаза Европе и обморочить потомство; автор не понял значения этого акта для дворянства; если устанавливаемое им самоуправление и не в состоянии было осуществиться, это не отнимало еще у грамоты ее огромного влияния на современную ей жизнь и на будущее развитие дворянского сословия; последующая история доказала, насколько акт этот был плодотворен, и если отчасти и правда, что «во всех собраниях дворянства, кроме нелепостей, споров о пустяках и ссор, никогда ни одно дельное дело не было предлагаемо» ***, то нельзя же отрицать ту огром-

* Так, напр<имер>, Болотов описывает следующим образом съезд дворян, бывший в 1785 году, созванный для переобролки богородицких земель; здесь было «пьянство, буянство, собиране баб, скачки, пляска и всякие гадости и беспутства» (Записки. Т. I. С. 147). Ср. также: *Гольцев*. Законодательство и нравы в России XVIII века. М., 1886. С. 55—62 и прим. 1—28.

Болотов в своих записках дает нам не один пример грубости нравов и невежества тогдашнего дворянства: так, во 2 томе, на с. 356, он приводит следующий разговор свой с местным помещиком: «пожалуюсь тебе, любезный друг, что хоть много соседей, но истинно не с кем и одного словца разумного промолвить»; такое же замечание находим и на с. 410, интересна характеристика одного соседа Болотова, преданного солдатчине (т. II, с. 723 и сл.); рассказы его о девках, замученных в стуле за плетеньем кружев, о бабе, умертвлявшей младенцев, о свадьбе с пьяным женихом, порке плетьюми, пытке и т. п., уже не раз приводились в нашей литературе; факты зверства были еще обыденным явлением (ср. для примера записки А. Т. Болотова: приложение к «Русской старине». 1871. Т. II. С. 745, 788, 1039; т. III. С. 284, 476 и 550).

Несмотря на многие результаты, достигнутые в царствование Великой Императрицы, и на заметное движение вперед по пути прогресса и культуры, общий уровень дворянства стоял еще очень низко, грубость и невежество все еще господствовали в провинции.

** Записки Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. С. 102.

*** Там же.

ную пользу, которую принесли в истории России учреждения, основанные сословными реформами Екатерины II. Нам кажется совершенно второстепенным тот факт, что начала самоуправления дворянского сословия фактически не осуществились; это имеет известное значение с точки зрения юридического исследования, несомненно, но в истории дворянского сословного управления факт этот сыграл очень небольшую роль.

Итак, возвращаясь к рассмотрению причин, воспрепятствовавших дворянскому сословию воспользоваться предоставленным ему жалованной грамотой 1785 года правом на самоуправление, повторим, что главнейшею из них было невежество самого сословия; для характеристики приведу цитату из тех же записок Винского, столь порицавшего этот законодательный акт Екатерины: * «важнейшим и точно полезным пожалованием, — говорит он, — можно бы почесть права и преимущества дворянству и городам данные, *ежели бы мы умели читать и понимать...* ** Скажу смело, и всяк благомыслящий меня одобрит, что у нас людей со сведениями весьма немного тогда было, потому что одни лучшие и достаточнейшие дома, чрез воспитание доставали знание, что из сих домов наполнялись двор, гвардия и важнейшие места в столицах, и что в губерниях таковых особ было весьма мало; жившее же в деревнях дворянство, по грубости своей и бедности, редко даже бывавшее в своих уездных городах, с нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвал чернью? И сия-то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянские собрания!» Картина не из особенно привлекательных.

Отметим здесь одно важное последствие этого явления. Подобное невежественное состояние общества давало местным правительственным органам все данные к увеличению их власти и постепенному поглощению начал самоуправления. Отсюда та легкость, с которой Екатерининские наместники заняли в провинции положение вице-королей и всевластных правителей.

К этому присоединялся еще один важный фактор — полное бесправие крестьянской массы. Начала самоуправления не могли найти настоящего применения и развития при таких условиях, когда подавляющее большинство населения государства находилось в крепостной зависимости, когда правительству приходилось принимать меры к пресечению «тиранства» и жестокости дворянского сословия. Как указал еще проф. Градов-

* Записки Винского. С. 102.

** Курсив наш.

ский *, такие термины, как «тиранство», не были риторически оборотами, «они были направлены прямо по адресу общества, рождавшего Салтычих и пережившего пугачевщину». При таких условиях, верно заметил названный ученый, фактически даже невозможно было основать местную автономию.

Все это неизбежно повело к усилению в провинции местной правительственной власти и, в частности, генерал-губернаторского верховенства. Судьбу власти последнего характерно описывает Сперанский в своем введении к наместническому учреждению **. «От сего, — говорит он, — т. е. от полной неопределенности законодательных положений, касательно генерал-губернаторской власти, произошло, что звание генерал-губернаторов, уваженное сначала, когда они представляли в себе не губернских правителей, но вельмож, присланных и уполномоченных правительством на время, для открытия губерний, — впоследствии приняло все личные свойства тех, коим было вверено и в одних превратилось в самовластие, в других пало в бездействие».

По этому же поводу интересно привести мнение старого защитника дворянских привилегий, князя Щербатова. Разбирая постатейно жалованную грамоту, Щербатов останавливается и на отношениях к дворянскому сословному управлению органов администрации, в частности на всевластии наместников; самостоятельное сословное управление, конечно, полезно по его мнению; но сего по жалованной грамоте не было установлено, дворяне «собираются не для суждения о своих делах, не для рассмотрения общей и частной пользы, но токмо как некоторые орудия, которые сносят для угнетения самих же их» ***.

Очень характерно отношение Щербатова к положению губернского предводителя; такой должности, говорит он, по жалованной грамоте нет; «и тако я вопрошаю, на что он? *ибо чин без должности есть ничто*» ****.

Здесь автор опять-таки отмечает ту зависимость органов сословного управления, «уподобляющую чин губернского и уездных предводителей». Сказанное нами, к несчастью, только подтверждает верность предсказания Щербатова; указанный выше

* [Градовский]. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Сб. гос. знаний. Т. VI. С. 132.

** Цит. по: Калачов. Разбор сочинения Андреевского о наместниках, воеводах и губернаторах. С. 107.

*** Щербатов М. М. Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест (1785 г.). Т. I. С. 295 и след.

**** Там же. С. 296.

пробел грамоты, не регулировавшей отношений между правительственными и сословными органами, действительно повел к падению значения этих последних и к безмерному усилению власти наместников.

Не довольствуясь этим, Щербатов указал и другое нежелательное воздействие правительственных органов на дворянское сословное управление, а именно, на существовавшую для наместников и губернаторов фактическую возможность воздействия на избрание выборных должностных лиц, благодаря все той же неопределенности грамоты*. Наместники могли косвенно влиять на баллотирование, могли не утверждать нежелательных им кандидатов и т. п.

Не ясна была, по мнению Щербатова, и редакция статьи 48, говорившей о праве дворян ходатайствовать о своих нуждах перед Верховной Властью; дворянство, по мнению автора, должно было получить гораздо более широкое право «представлять правительству, когда и самые узаконения какую им тягость наносят», иначе право ходатайства было «не иное что, как позволение визжать, когда кого бьют»**.

Мы должны вполне согласиться с изложенными мыслями Щербатова; им отмечены были в данном случае крупные пробелы жалованной грамоты, вредно отозвавшиеся на дальнейшем развитии дворянского сословного управления.

Итак, над дворянским сословным управлением постепенно образовалась система правительственных должностей, более крепких, более жизненных; если мы припомним, что дворяне и на выборную службу никогда иначе не смотрели, как на ту же службу государственную, то нам сразу ясно станет их предпочтение последней; очевидно, что гораздо более выгодным, при таком положении вещей, представлялось служить в каком-нибудь губернском правлении, чем выборным судьей или капитан-исправником; а еще соблазнительнее были высокие провинциальные посты; последние же получались лишь после более или менее продолжительной службы в столицах.

Дворян потянуло обратно в столицы, ко двору, к цивилизации, к власти, карьере, наконец, к роскоши и комфорту. Что могла дать в этом отношении провинция? Уже в это время почувствовался тот недостаток, который свел впоследствии вы-

* Щербатов М. М. Примечания верного сына отечества... Т. I. С. 298.

** Там же. С. 300. Это же место цитировано проф. Дьяконовым в его статье «Публицист XVIII века» (Вестник права. 1904. Сент. С. 24).

борную службу к той же правительственной, но с худшим оттенком; от нее постепенно стали уклоняться, «отлынивать» лучшие элементы дворянского сословия; выборная служба перешла в руки мелкопоместного, «малоимочного» дворянства, еще большее невежество которого могло только способствовать разложению начал самоуправления.

На этом примере мы видим, следовательно, как жизненные условия подтачивали гуманные и высокие начинания Великой Императрицы; начала самоуправления, юридически ею введенные, фактически никогда не осуществились; выборная служба стала почти тождественной со службой правительственной.

Такое положение вещей очень ярко рисуется Карезиным *, уже указывавшим на то, что выборные должности не представляли служебного интереса и пренебрегались дворянами: «От сего произошло, что со времени открытия наместничеств мало-помалу важность дворянских выборов упала до того, что напоследок стали производить их с пренебрежением. Никто из людей достойных не хотел быть выбранным в уездные чины или в Верхний земский суд, и сии места предоставляли как милостыню дворянам, не имеющим других способов к жизни. Вообще примечено, что первые выборы в губерниях были и самые лучшие: тогда не успели еще рассмотреть всех сих последствий, и намерения Монархини произвели всеобщий энтузиазм к добру; простыл сей жар, когда увидели, что беспристрастие выбирающих и бескорыстие избранных были равно посмеяны... что уездные присутственные места суть пустая инстанция», а дело, прибавляет проф. Милюков, вершится в губернии, в коронных палатах.

Но если попытка ввести в России дворянское самоуправление привела к самым ничтожным результатам, то это еще не значит, что вышеразобранная реформа Екатерины II не имела никакого значения для дворянского сословия. Она составляет, несомненно, эпоху в нашей государственной жизни; она укрепила корпоративную связь сословия, систематизировала службу по выборам дворянства; уезд и провинциальная жизнь получили новую окраску; им таким образом было обеспечено дальнейшее развитие, и в этом величайшая заслуга Екатерины. Если и не осуществились все ее идеалы, <...> то все-таки, несомненно, создано было великое дело.

* См.: Милюков. Очерки по истории русской культуры // Мир Божий. 1902. № 7. С. 251.

Остановим здесь внимание читателя на маленьком недоразумении в нашей литературе. Касаясь мимоходом вопроса о неудаче введения в сословное управление начал самоуправления, проф. Градовский * говорит, что главной причиной тому было отсутствие местных интересов у дворянства. «Дворянство каждой губернии составило “общество” с правами корпорации; но закон не мог создать интересов для этой корпорации... Перечитывая узаконения о дворянских обществах, невольно спрашиваешь себя, зачем организовано это общество и к чему оно призвано? Этим объясняется полная “фиктивность”, так сказать, некоторых специальных дворянских учреждений, как, например, дворянского депутатского собрания».

Мы никак не можем согласиться с таким рассуждением. Интересы местные у дворянства той эпохи несомненно существовали; об этом нам не раз уже приходилось говорить; с переселением значительной части дворянства из столиц в уезды такие интересы не могли не зародиться; закон в этом случае, как нам кажется, шел именно навстречу стремлениям дворянского сословия. Такая постановка вопроса проф. Градовским нам кажется тем более странной, что в той же статье, несколько страниц далее, он же сам вполне верно отметил главную причину неудачи начал самоуправления, лежавшей в недостаточной образованности дворянства. Зачем дворянство было организовано и к какой деятельности призвано Екатериной, показала нам история; ему, как более образованной в сравнении с другими части населения, дано было стать во главе прочих классов; через него проводились реформы Императрицы; дворянство должно было внести хоть малую долю просвещения в провинцию; корпоративную же организацию оно получило потому, что сама жизнь обосновала сословный строй нашего отечества. Нас удивляет что именно Градовский, так хорошо знакомый с тем временем, столько раз указывавший в своих трудах именно на эти факты отечественной истории, в этом случае ставит вопрос: к чему призвано было дворянство Екатерининского времени и зачем корпоративно организовано?

Нельзя не заметить, что если дворянство и не стояло вполне на высоте своего призвания, если, например, по отношению к дарованному ему самоуправлению оно оказалось еще недоразвитым, то нельзя все-таки отрицать, что дворянством в царствование Екатерины все-таки принесена некоторая польза в

* *Градовский*. Системы местного управления на Западе Европы и в России. С. 143.

деле просвещения. До начал самоуправления оно, конечно, не доросло, но это еще не значит, что у него не было вовсе местных интересов; одно не исключает другого. Что же касается «фиктивности» таких учреждений, как депутатское собрание, то причины тому мы старались выяснить выше. Неприиспособленность к жизни одного какого-нибудь учреждения еще не доказывает ошибочность всей системы. Думается нам, что вопрос о самоуправлении в цитированном месте статьи Градовского затронут случайно и представляет собою только некоторое недоразумение; доказательством тому служит то верное освещение, которое этот самый вопрос получил в той же статье несколько далее, при более подробном его рассмотрении.

Корпоративная организация была дана дворянству потому, что оно само к тому стремилось, потому, что сословный строй нашего государства того требовал; на этом и надо было остановиться. Екатерина же пошла далее и надеялась найти в дворянстве достаточно подготовленную почву и к более широкому развитию; она, как показала история, ошибочно думала, что дворянское общество доросло и до начал самоуправления.

Можно провести некоторую параллель с мыслью, высказанной проф. Сергеевичем в его статье «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии» *. Дворянство как сословие не оказалось на высоте своего призвания в деле общегосударственных реформ; отдельные лица этого сословия, на которых выпала тяжелая задача проводить в жизнь начинания Великой Законодательницы, не всегда оправдывали возлагаемые на них надежды; примером выставляется автором маршал комиссии А. И. Бибиков.

Точно так же, как эти доверенные государыни иногда не могли справиться с поручаемым им делом благодаря своей неподготовленности, и дворянское сословие, на долю которого выпало столь видное участие в деле обновления государственной жизни России, не было в состоянии поддержать начинания Екатерины; оно также оказалось неподготовленным к этому великому делу. <...>

Как нами уже раз указывалось в другом исследовании **, некоторые писатели (напр<имер>, Яблочков «История дворян-

* Вестник Европы. 1878. Янв.

** См. мою статью (Журн<ал> м<инистерст>ва юстиции. 1902. Март. С. 96 и след.). Подробно этот вопрос разобран в труде проф. Мрочек-Дроздовского «Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях», с. 60 и след. См. также: Латкин, проф. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Т. I. С. 403.

ского сословия в России», «Статья Исторического Вестника» «Дворянская грамота» и др.) видят уже зачатки дворянского самоуправления и корпоративного единения в известных учреждениях предыдущих царствований.

Так, указывается на должность губного старосты царствования Ивана Грозного и на ландратов, учрежденных Петром Великим. С нашей стороны мы затруднились бы признать в этих случаях форму сословного самоуправления. Правительство в те времена обращалось для вербовки должностных лиц к более интеллигентной части общества, не стесняясь при этом ни сословием, ни происхождением назначаемых органов; в тех же случаях, когда должностные лица выбирались местным обществом, как это было в приведенных примерах губных старост и ландратов, а не назначались правительством, выборы производились не каким-либо отдельным сословием, как таковым, а всем местным обществом, и преобладание высшего сословия могло быть только фактическое.

В губные старосты, по указам Ивана IV, могли быть избраны, правда, одни лишь служилые люди, но только те из них, которые отставлены были от действительной службы, что сразу же сделало должность губных старост «захудалой», заштатной; при таком условии на нее шли лишь самые бедные, неимущие дворяне, что силою необходимости вызвало полнейшее подчинение старост воеводам и сделало из них тех же приказных, но низшего разбора; впоследствии они стали даже прямо назначаться правительством; из этого видно, что здесь не было никаких признаков самоуправления, хотя и применялось выборное начало; современные исторические исследования показали, впрочем, что одно другим нисколько не обуславливается. Что же касается ландратов, то и последние с самого своего учреждения были вполне подчинены губернаторам. Петр Великий, учреждая их и следуя при этом своей любимой идее коллегиального управления, думал тем самым создать правительственный орган, в котором губернатор был бы «не яко властитель, но яко президент». Но мысль эту не удалось провести в жизнь. Местное управление было еще в зачаточном состоянии, о какой-либо самостоятельности местного общества не могло быть и речи, в провинции была сплошная невежественность и темнота; власть губернаторов силою необходимости была безгранична; при таких условиях коллегиальное управление было невысказано. Губернаторы вполне подчинили себе ландратские коллегии сразу же после их учреждения; последние скоро потеряли даже значение совещательных органов и через одиннадцать лет сво-

его безрезультатного и бесполезного существования были упразднены, не оставив по себе в истории нашего отечества никаких следов. Так же бесследно прошла вторая попытка создать местный выборный орган, говорим про земских комиссаров, учрежденных Петром I, почти пред самую свою кончину и скоро затем упраздненных.

Очевидно, и тут не может быть речи о сословном самоуправлении. Причина же все та же — отсутствие корпоративной связи служилого сословия, почти в полном составе проживавшего в столицах или в войсках, занимая бесчисленные правительственные должности, и кормившегося государственной службой, с другой же стороны, отсутствие местных его интересов; служа всю жизнь, дворянин смотрел на свое поместье лишь как на источник дохода; жил он в столице, никогда не заглядывая в деревню; этого же взгляда держалось и само правительство, верстая поместьями и вотчинами служилых людей за их служебные заслуги.

В Екатерининское царствование <...> картина немного изменилась; явились местные интересы, благодаря манифесту 1762 года, а с ними вместе сразу же проявилась и корпоративная связь дворянства. Великой Императрице уже можно было думать о самоуправлении дворянского сословия; данные, казалось, были все налицо. Можно смело сказать, что этого Екатерина искренно желала; свидетельство тому находим мы в ее теоретических идеалах и проведенных в законодательных актах юридических началах. Но препятствие она встретила в самом сословии дворян. Последнее не желало и не могло отказаться от государственной службы, столь выгодной для него во всех отношениях; теоретические положения Екатерины разбились о факты жизни. Дворяне не пожелали да и не были в состоянии изменить своего отношения к правительственной службе; к последней свелась и выборная служба; правительственным органам подчинились органы сословного управления, стушевав значение самоуправления и даже, можно сказать, фактически его упразднив. Но винить дворянство в этом вряд ли можно. Процесс этот шел вполне бессознательно и отчасти даже потакался самим правительством. А причина тому, по нашему крайнему разумению, лежала в том, что Россия в те времена еще не доросла до какого-либо самоуправления; при полном бесправии подавляющего большинства населения, а таковым несомненно представлялось закрепощенное крестьянство, при еще общей некультурности и грубости высшего сословия, по нашему мнению, не могло быть и речи о самоуправлении; идея

его была совершенно несовместима с фактическим положением вещей. Не могли помочь ни теоретические рассуждения Екатерины, ни ее старания отстоять самостоятельность дворянского сословного управления и никакие другие меры правительства; полное подчинение сословного управления правительственным органам было неизбежно.

Этим некоторым раздвоением фактического положения вещей от юридической конструкции учреждений Екатерины Великой объясняем мы и колебания ученых признать или не признать существование в этом периоде отечественной истории самоуправления дворянского сословия. По нашему мнению, оно юридически несомненно было установлено, фактически же никогда не осуществилось*.

Градовский, в своем курсе русского государственного права (1883. Т. III. С. 126), называет участие дворянства в общей администрации, установленное Учреждением о губерниях 1775 года, также самоуправлением и даже «оригинальной его формой, которую не знало ни одно государство». Как мы уже указывали, мы затрудняемся видеть в этом самоуправление; во всяком случае здесь не было сословного самоуправления. Одно участие посредством выборов в общем управлении еще недостаточно для установления наличности самоуправления. Мы можем говорить в данном случае разве про зачатки будущего всесословного самоуправления. С развитием идеи всесословности, шедшей

* Порай-Кошиц (Очерк истории русского дворянства. СПб., 1874. С. 183) и проф. Латкин (Учебник истории русского права. СПб., 1899. С. 328) упоминают вскользь об интересующем нас вопросе; оба автора как бы считают его бесспорным; по их мнению, не подлежит никакому сомнению, что Жалованной грамотой действительно установлено самоуправление в области дворянского сословного управления.

Труд Порай-Кошица вообще очень поверхностен и не дает никаких юридических конструкций; неудивительно, что он и в данном случае бездоказателен; о краткости же замечаний профессора Латкина, не приводящего также доказательств в подтверждение своего взгляда на дворянское самоуправление, следует пожалеть, так как это место его учебника может повести к недоразумениям; как мы указывали выше, вопрос этот совсем не так прост.

Г-жа Брюллова в своей интересной статье «Общественные идеалы в Екатерининское время» (Вестник Европы. 1876. Т. I. Янв. С. 75 и след.) также говорит о самоуправлении, но здесь мы имеем дело с прямым недоразумением; автор употребляет термин «самоуправление», совершенно не считаясь с его юридическим значением.

вперед могучими шагами и приведшей к реформам шестидесятих годов, значение дворянских обществ, как единственных поставщиков правительственных органов, неизбежно должно было пасть, что мы и видим в XIX столетии; но в царствование Екатерины у дворянства не было еще конкурентов; из его среды правительство назначало чиновников, те же чиновники замещали и выборные места.

Но верно замечает далее проф. Градовский (с. 127), что «если дворянство сохраняет значение в государстве и в настоящее время, то благодаря совершенно постороннему обстоятельству, именно благодаря должности губернских и уездных предводителей дворянства». Возникнув, как мы видели выше, случайно, они были сначала органами чисто сословными, впоследствии же, силою необходимости, мало-помалу сделались органами всесословного управления. Среди администрации провинции предводители постепенно стали центром внимания правительства; этим объясняется последующее приурочение самых разнообразных административных функций к их сословным обязанностям, с другой стороны, они несомненно, благодаря своему высокому и независимому положению, принесли провинциальному управлению огромную пользу в смысле проведения на местах идеи законности и общей культуры. Уже почти сразу после их учреждения, как мы видели, к функциям предводителей чисто сословным правительством стало пристегивать и общеадминистративные и земские обязанности. Причины этому были: во-первых, неразвитость и некультурность высшего сословия; предводители силою необходимости являлись теми незначительными исключениями, на которых могло пасть доверие правительства; в предводители избирались дворяне, которые выделялись из среды местного общества, благодаря их сравнительно большей культурности, приобретенной ими прежней жизнью в столицах, благодаря также их лучшему воспитанию и образованию; вследствие этого они сразу же заняли в провинции видное положение, ярко выделяясь от прочих выборных должностных лиц. Во-вторых, присоединению к их обязанностям общеадминистративных функций способствовали соображения экономические. Мы не решаемся придать этой причине того выдающегося значения, которое устанавливает за нею, например, проф. Милюков в своих очерках по истории русской культуры, но не беремся отрицать, что известную роль эти соображения играли и в данном случае, способствуя главным образом возвышению престижа предводительской должности.

Наконец, третьей и главной причиной приурочения к предводительской должности все большего числа обязанностей был и общий недостаток в людях. Как видим, эта третья причина имеет близкое соприкосновение с первой, выставленной нами; деятелей для новых учреждений, созданных Великою Императрицей, оказалось слишком незначительное число. Идеи Екатерины были слишком новы для русского общества; последнее не было для них подготовлено. Взоры правительства невольно должны были обратиться на предводителей. Они силою вещей стали центром уездной администрации. К ним правительство обращалось за разрешением трудных вопросов, касающихся местных интересов, к ним присылали за справками и губернаторы и генерал-губернаторы; нередко обращался к ним даже Сенат. Среди дворянства они заняли видное место, являясь одновременно покровителями, защитниками и ходатаями сословия; но, с другой стороны, ввиду почета, связанного с должностью предводителей и некоторою властью над дворянским сословием, проявляющейся, например, в ведении дворянских родословных книг, вследствие чего, очевидно, всякий ищущий рода дворянин нуждался в предводителе, — развилось постепенно заискивание и преклонение уездных, в особенности мелкопоместных, дворян перед предводителями. На предводительскую должность с охотой шли самые лучшие и видные представители сословия, живущие в своих поместьях; малое число таких дворян делало предводительскую должность почти пожизненной.

Предводители постепенно заняли центральное положение в уезде; влияние их на местную жизнь все росло; правительство с своей стороны делало все возможное, чтобы не только увеличить их значение и связанный с их положением почет, но и усиливать их власть, возлагая на них все большее число обще-административных функций.

Изучая дальнейшую историю дворянского сословного управления, нам не раз придется подчеркнуть то особое положение, которое занимали предводители в провинции. Обстоятельство это не могло не остаться без влияния на дворянское сословное управление; нам кажется, что благодаря лишь предводителям дворянское сословное управление не исчезло еще в начале XIX столетия.

Жалованная грамота дворянству составляет эпоху в истории дворянского сословного управления; несмотря на ее недостатки и пробелы, она имела огромное значение в изучаемой нами области; ею даны были юридические основы корпоративной организации дворянства; она определила права и обязанности этого

сословия, подтвердила его привилегированное положение среди прочего населения. Дальнейшее развитие дворянского сословного управления имело своим основанием начала, заложенные грамотой 1785 года. Обстоятельство это доказывает нам, как верно поняла Екатерина стремления дворянского сословия и как искусно сумела согласовать их с требованиями жизни.

Правда, судьба не дала ей осуществить всего задуманного, внешние затруднения помешали закончить намеченные ею реформы; но создано ею было немало; повторяем, начала грамоты дворянству сослужили службу фундаментальнейшему ходу истории дворянского сословного управления; скажем более, они были настолько жизненны, что просуществовали, несмотря на то, что в последующее время было сделано все возможное для их упразднения.

Как и всегда бывает при всякой крупной реформе, подробности остались в тени; несмотря на колоссальный труд Императрицы, многие детали не были выяснены, многие вопросы необходимо должны были возникнуть при применении новых начал на практике; таким образом, силою необходимости не малая задача была оставлена и последующему законодательству. Но в этом периоде царствования Екатерины II обстоятельства сильно изменились; как увидим ниже, внешние затруднения отвлекли внимание Императрицы от вопросов внутреннего управления; разрешение последних было поручено местным властям и Сенату; законодательных актов мы почти вовсе не находим в последнем периоде ее царствования; разработка начал грамоты 1785 года и приспособление их к жизни были предоставлены подчиненному управлению; в этом факте нельзя не видеть одну из причин неосуществления на практике начал самоуправления; они слишком противоречили интересам местной правительственной администрации, ограничивая ее всевластие. Идея самоуправления, как молодой росток, могла вырасти лишь при искусном сбережении необходимого ей тепла, а таким средством могла быть только забота о нем самой Императрицы; как скоро последняя отпала, заглох и нужный росток, а затем и погиб в окружавшей его стуже реальной действительности.

